

Семантико-стилистическая парадигма топонима: постановка вопроса

В статье рассматривается вопрос о формах системной связи энциклопедической и лингвистической информации в топонимах: семантической, семантико-стилистической и модельной парадигмах топонимов. Предметом анализа является семантико-стилистическая парадигма, её состав и особенности функционирования.

Ключевые слова: топоним, парадигма, лингвистическая и экстралингвистическая информация, речевой акт.

Лингвистическое изучение топонимов имеет в отечественной науке уже длительную традицию. Выделяются региональная и ареальная топонимика; ведётся активное изучение топонимии в различных направлениях: этимологическом, структурно-словообразовательном, типологическом, контактно-лингвистическом. Используются синхронический и диахронический подходы; рассматриваются проблемы становления топонимических систем и этногенеза на отдельных территориях. Развивается как направление топонимика художественной речи, изучающая эстетический потенциал географического имени в художественном тексте, феномен авторских топонимических систем. В последнее время топонимы, как и другие онимы, рассматриваются в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах [напр., 8], что позволяет исследовать механизм связи мышления и его вербальной объективации на данном участке ономастики.

Специфической чертой имени собственного является, как известно, соотнесённость его только с одним денотатом (референтом) [ср. 2: 17—18]. Как концептуальный знак, имя собственное является способом сохранения, переработки и презентации весьма значительного объёма информации, кодируемого словом, которое в данном случае выступает как заголовок целого текста [11: 128; 8: 14], и является также "объединителем лингвальной и энциклопедической информации в языке мозга" [8: 39]. Нам представляется, что особенно ярко это просматривается на материале функционирующих топонимов. И в данной статье мы ставим задачу сформулировать и обосновать идею существования в речи комплексной единицы накопления, организации и презентации экстралингвистической (энциклопедической) и собственно лингвистической информации, составляющей семантическое пространство функционирующего топонима-концепта, то есть идею существования семантико-стилистической парадигмы для номинации топообъекта. При этом опираемся на широкое понимание парадигмы как класса языковых единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединённых общими признаками или общими ассоциациями (см., напр., понятие ЛСГ как лексической парадигмы), понятие стилистической парадигматики в сфере имён собственных, сформулированное В. Н. Михайловым [12: 18], а также понятие социолингвистической парадигмы антропонима, представленное Н. И. Формановской [21: 71].

По мнению Ю. А. Карпенко, в топониме, с лингвистической точки зрения, можно выделить три компонента: 1) топонимическое значение, 2) звучание и 3) этимологическое значение [10: 55]. И при этом наиболее существенным в функциональном плане является топонимическое значение, представляющее энциклопедическую информацию о географическом объекте. Именно в нём сосредоточена основа когнитивно-концептуального содержания топонима. А взаимодействие этимологической, энциклопедической, звуковой и стилистической составляющих в топониме каузируют наличие в нём как объективных, так и субъективно-оценочных компонентов — "компонентов переживаемости" [18: 43; 3: 66].

Семантико-стилистическая парадигма топонима — это, по нашему мнению, совокупность лексических единиц / их эквивалентов, соотнесённых с одним референтом (географическим объектом) и выполняющих функцию его именования.

Для обоснования покажем прежде всего, что в русской речевой практике существуют разные, с функционально-стилистической точки зрения, способы номинации географического объекта: 1)нейтральная (общезыковая, официальная) номинация (*Москва, Киев, Париж, Байкал, Россия, Украина, Балтийское море* и под.); 2)экспрессивно окрашенные разговорные номинации типа *Рязанищина, Смоленщина* наряду с нейтральными *Рязанская, Смоленская область* и под.; *Владик, Марик, Павлик, Ярик* в значении 'Владивосток', 'Мариуполь', 'Павлоград', 'Ярославль'; *Питер* — 'Санкт-Петербург', *Нижний* — 'Нижний Новгород' и др.); 3)стилистически окрашенные поэтические синонимы-номинации и перифразы к общезыковым номинациям. Например, *Белокаменная, Златоглавая* — 'Москва'; *юный град* — 'Санкт-Петербург начала XIX в.'; *город на Неве* — Санкт-Петербург'; *небо Шиллера и Гёте* — 'Германия'; *берега Енисея* — 'Сибирь' и др.

И при этом даже официальные номинации одного и того же периода достаточно часто неоднозначны, разнофункциональны. Напр., номинация *Дон* — это и гидроним, и хороним, и название населения в границах данного региона, и идеоним (напр., журнал "Дон"); *Кубань* — гидроним, хороним и ойконим [5: 183—184]; *Полтава, Бородино* — ойконимы, хрононимы и идеонимы. Во всех этих случаях перед нами структурно организованная композиция нескольких "созначений" [13: 5—10 и др.], каждое из которых является ключом к расположенной в памяти историко-культурной информации. Это собственно семантическая парадигма, обусловленная трансонимизацией. Разграничение указанных значений осуществляется синтагматически. Напр., гидроним *Дон* в произведениях А. С. Пушкина характеризуется как **великий, тихий**, как **прославленный брат других русских рек**:

Ему (князю. — Л. Г., Л. Ф.) знамение мешало (запрещало) искусити Дону великого (А. С. Пушкин. "Песнь о полку Игореве"; VII, 507) [Все примеры из произведений А. С. Пушкина даём по: 16]. *Простите, вольные станицы, И дом отцов, и тихий Дон, Война и красные девицы!* (А. С. Пушкин. Кавказский пленник; IV, 116) **Как прославленного брата, Реки знают тихий Дон** (А. С. Пушкин. Дон; III, 124).

Хороним *Дон* видим в народной песне **"По Дону гуляет казак молодой"** или в высказывании **"Михаил Шолохов всю свою жизнь прожил на Дону, в станице Вёшенской"**. А *Дон* в значении 'население данного региона' А. С. Пушкин, напр., характеризует психологически — как **бунтующий, воинственный, вольный, храбрый и верный**: *Петр записал его (царевича Алексея — Л. Г., Л. Ф.) сержантом в гвардию, держал при себе; /.../ в 1708 при Долгоруком посылал на бунтующий Дон, в 1711 — в Польшу.* (А. С. Пушкин. История Петра; IX, 385) *Но если Бог поможет нам вступить На трон отцов, то мы по старине Пожалуем наш верный вольный Дон.* (А. С. Пушкин. Борис Годунов; V, 273) *Вскоре потом Петрузнал, что к ним (астраханским стрельцам — Л. Г., Л. Ф.) пристали стрельцы Красного и Черного Яру и пошли под Царицын/.../, что, глядя на них, взбунтовали гребенские казаки и стрельцы терские, которые убили полковника своего Некрасова, и что от них посланные хотели взбунтовать Дон и Яик, оставшиеся, однако, верными.* (А. С. Пушкин. История Петра; IX, 140).

В этом же значении видим слово *Дон* в высказываниях типа: **Дон никогда не был однородным в имущественном отношении.**

Номинации одним именем собственным водного источника и стоящего на нём (близ него) населённого пункта и/или целого региона (*Москва, Самара, Кубань, Камчатка* и др.), водного источника, региона и населения данного региона широко распространены в русском языке и отражают универсальную черту познания действительности путём объединения в сознании и памяти сопредельных зон действительности. Лингвистическая природа этого переноса значения именуется метонимией, в то время как *город Москва, журнал "Москва" и гостиница "Москва"* — это омонимы. В эту же модель познания вписывается и топохронная (хронотопная) композиция созначений, когда именем географического объекта называются значительные исторические события, произошедшие на их пространстве. *Аустерлиц, Бородино, Ватерлоо, Полтава* и под. являются не только топонимами, но и хрононимами. Причём эти номинации и стоящие за ними когнитивные скрипты, имея давнюю лингвокультурную традицию, без труда декодируются всеми носителями языка.

См. у М. Ю. Лермонтова: *Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спалённая пожаром, французам отдана? Ведь были ж схватки боевые, да говорят, ещё какие! Недаром помнит вся Россия про день Бородина?* (Бородино)

И вот совсем недавно, 27 июня 2009 года, Россия, Украина и Швеция отмечали (каждый по-своему) "300-летие Полтавы" — не 300-летие со дня основания Полтавы, а 300-летие **победы** российских войск над армией Карла XII под Полтавой. И украинский скульптор, которому поручено проектирование памятника И. Мазепе, в интервью говорит: *"В прошлом году, когда о праздновании 300-летия Полтавы ещё только начинали говорить, Ющенко дал 1,5 млн. гривен на сооружение памятника, но эти деньги бесследно исчезли"* (Пенсионный вестник, № 26 (320), 26 июня 2009 г., с. 14).

Транспозиция онима из одного разряда в другой сопровождается, естественно, изменением его дистрибуции и другими семантическими особенностями. Но предметом нашего внимания являются собственно топонимы. И мы хотим привлечь внимание прежде всего к тому, что даже в границах нейтральных именовании географических объектов довольно часто имеет место параллельное использование общезыковых номинаций, не совпадающих по времени возникновения и экстралингвистическому (энциклопедическому) содержанию, но функционирующих в рамках одного времени и выполняющих одну и ту же топонимическую функцию. Это относится, в частности, к переименованиям географических объектов (пусть даже это и вторичные переименования): напр., *Екатеринбург* и *Свердловск*, *Санкт-Петербург* и *Ленинград*, *Тверь* и *Калинин* и под.; улицы *Ришельевская* и *Ленина*, *Ланжероновская* и *Ласточкина*, *Большая Арнаутская* и *Чкалова* и др. в Одессе). Они в настоящее время используются населением параллельно. Напр., в транспорте: в маршрутном микроавтобусе одни пассажиры просят остановку *Ланжероновская*, другие — *Ласточкина* (а место одно и то же); опытный водитель трамвая или кондуктор объявляют остановку так: *"Большая Арнаутская, Чкалова, Екатерининская, Карла Маркса"*. И не существенно, что не все говорящие достоверно семантизируют предшествующее и нынешнее название города / улицы (кто такие арнауты и почему их именем называется улица? Чем прославился Чкалов и почему его имя носила улица?), тем не менее в их сознании непроизвольно отражается связь топонима/микротопонима сначала с одной исторической реалией, затем с другой (когнитивный аспект), мотивация названия сначала одной лексемой, затем — другой (лингвистический аспект); отражается тот факт, что одна номинация является официальной, а вторая неофициальной, теперь уже уходящей и приобретающей постепенно оттенок архаичности (хотя "новая" номинация в данных конкретных примерах старше уходящей, прежней; одним больше нравится прежнее название, другим — нынешнее (субъективно-оценочный аспект). Правда, процесс архаизации может оказаться довольно длительным, особенно если он тормозится в отдельных случаях отсутствием традиционной корреляции названия города-областного центра и области: город *Санкт-Петербург*, но *Ленинградская область*; город *Екатеринбург*, но *Свердловская область* — в отличие от традиционного *Москва — Московская область* и др.

Подобное явление наблюдаем в СМИ и художественной литературе, и при этом литературе не только сегодняшнего дня. Например: *Страницы нынешнего календаря повествуют об истории улицы Пастера, бывшей Херсонской* (М. Стерненко. В новолетие Одессы — по одесскому календарю // Вечерняя Одесса. № 129 (9063). 3 сент. 2009. с. 4). В другой газете: *Кроме "Одесского календаря", презентовали также фильм "От Херсонской до Пастера" (старое название улицы Пастера — Херсонская) об удивительной истории улицы, на которой в своё время жили два выдающихся Нобелевских лауреата — учёный Илья Мечников и русский писатель Иван Бунин"* (О. Крижановская. Одессе-маме 215 лет // Чорноморський гудок. № 35, 9 сент. 2009. С. 6).

И ещё примеры из романа В. Пикуля "Фаворит", написанного в середине XX в.: *Померания ещё хранила следы шведского владычества, но в языке горожан Штеттина (Щецина) иногда звучала древнеславянская речь, не угасшая в бурных событиях европейской истории* (т. I, с. 29); *Давным-давно древнейший славянский Серпск обратился в германский Цербст, а его владельцы забыли славянское происхождение и даже оскорблялись, если им об этом напоминали* [14,1: 26]. То есть мы хотим отметить, что это явление не только нынешней речевой ситуации, что оно отражено и в языке А. С. Пушкина (см. номинативно-интерпретирующий аспект характеристики топонимов у А. С. Пушкина [5:14]; см. стихотворение Пушкина "Олегов щит") и что уже на этой ступени именовании формируется семантико-стилистическая парадигма.

Мало того, некоторые из топонимов, приобретая узуальное оценочное значение, синонимичное апеллятиву, включаются в процесс деонимизации. Напр., *Аустерлиц*, *Ватерлоо*, *Мацейовицы* — "поражение", *Шанхай* — "неорганизованная бедная, тесная застройка". Правда, при этом они сохраняют и своё основное значение; но, имея мощный эмоционально-оценочный потенциал, приобретают такие коннотативные компоненты, которые переводят их из разряда нейтральных номинаций в систему образных средств языка [13].

Другой лингвистической чертой реальных (не вымышленных) топонимов является, как мы уже отметили, наличие стилистически маркированных вариантов именования, которые, отражая собственно языковые, национально-культурные особенности (в частности, закон экономии речевых усилий, эмоциональность русского характера, языковую игру) и авторские интенции, связанные с ситуацией общения, возникают обычно в разговорной, публицистической и поэтической речи. В статье "Стилістика топонімів" Ю. А. Карпенко отметил, что такие номинации носят единичный, эпизодический характер: "Однак і в топонімів **деколи** (выделено нами. — Л. Г., Л. Ф.) трапляються стилістично забарвлені похідні, наприклад *Пітер* з Петербург, *Владик* з Владивосток, *Дніпро* з Дніпропетровськ, хуліганське *Єбург* з Єкатеринбург, з розширенням *Одеса-мама* замість Одеса та ін." [10: 54].

Однако наблюдения показывают, что очень многие географические названия имеют стилистически окрашенные производные или параллельные образные именования и способов образования экспрессивно окрашенных топонимических номинаций тоже много.

Характеризовать их все не входит в задачи данной статьи. Но всё же покажем некоторые. Самый частый способ преобразования топонима — усечение его компонентного состава (отмечен в 9:11; 12:18; 19:61): *Петербург* вместо *Санкт-Петербург*; *Нижний* вместо *Нижний Новгород*; *Ростов* вместо *Ростов-на-Дону*; *Челны* вместо *Набережные Челны* и др. Широко распространено также усечение в сочетании с преобразованием морфемного и компонентного состава онима, а именно суффиксацией, универбацией: *Каспий*, *Арал* на месте *Каспийское*, *Аральское море*; *Адриатика*, *Атлантика*, *Балтика* вместо *Адриатическое море*, *Атлантический океан*, *Балтийское море*; *Соборка* в значении *Соборная площадь* (в Одессе) и др.

К этой же группе именований относятся стилистически маркированные топонимы типа *Рязанищина*, *Смоленщина* вместо *Рязанская*, *Смоленская область* и под., часто используемые в публицистической и поэтической речи: "Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?" (К. Симонов); "В сёлах Рязанищины, в сёлах Смоленщины слово "люблю" непривычно для женщины; там, бесконечно и нежно любя, женщина скажет: "Жалею тебя" (Песня из репертуара Л. Зыкиной).

В этом разряде наблюдаем также образование новых именований путём перевода, преобразования, замены компонентов онимов-композигов или построение ассоциативов для создания возвышенной или, наоборот, шутильной тональности — с выражением языковой игры, иронии, пренебрежительности. Ср., напр.: *Петербург*, *Петроград*, *Петрополь* и *Екатеринбург* — *Ельцинбург*, *Каткинград*. Маленькие города в Белоруссии и России: *Жабинка* — районный центр в Брестской области и *Новозыбков* в Брянской области — получили в речи ироничных коммуникаторов имена *Квакенбург* и *Новожабьевск*.

В группу экспрессивно окрашенных входят также топонимы, в которых ненамеренно (отражая региональные произносительные черты) или намеренно изменён фонетический облик. Напр., *Расея* вместо *Россия* — в просторечии и публицистике; *Сверхжлобск* в значении "Свердловск" (парономазия — намеренное каламбурное сближение созвучных компонентов и создание нового слова-топонима).

И последний способ именования топообъекта — с помощью перифразы [4]: *город невест* — Иваново; *Петра творенье* — Санкт-Петербург, *Северный Левиафан* — Россия [образование А. И. Герцена; см. 13:209], *наследие Богдана* — Украина и др. Несмотря на дискуссионность вопроса об ономастической перифразе [см. 1:2], у неё есть сторонники, среди которых такие авторитетные ономасты, как В. М. Калинин [7] и В. И. Супрун [19]. "Перифрастические словосочетания выступают в качестве функциональных онимов, поскольку в речи они занимают то же место, что ономастическая единица, формально, коннотативно и фреквентативно отделяясь от неё", — пишет В. И. Супрун [19: 63].

Мы уже писали о структуре, семантическом и стилистическом потенциале топонимической перифразы [4] и здесь не рассматриваем её разновидности. Для данной статьи существенно дру-

гое: один реальный (не вымышленный) географический объект в речевой действительности часто имеет несколько именований, образующих семантико-стилистическую парадигму, члены которой обладают разной степенью автономности, разным семантическим объёмом, разной соотносительностью с языковой нормой. Но полным своим составом (или относительно полным — насколько это известно говорящему) семантико-стилистическая парадигма объединяет и передаёт весьма значительный объём экстралингвистической (энциклопедической) и собственно лингвистической информации. И тогда "текст", закодированный в исходном имени, приобретает содержательную дешифровку и интерпретацию, дозированно (по фрагментам) репрезентируя разные виды информации. Напр., крупнейшее государство, расположенное на территории Восточной Европы и Азии, именуемое топонимом *Россия*, имеет ряд названий, различающихся по времени введения в активное употребление, отражающих историю, разную пространственную протяжённость и разное социально-политическое устройство страны. *Русь*, *Русская земля*: первоначально это ещё не собственно Россия, а государственное образование восточных славян 9 века на ср. Днепре. Так называют — с усечением — Киевскую Русь, древнерусские земли и княжества. Но названия эти, напоминая о древности государства Российского и его сложной истории, очень популярны, любимы и часто употребляются не только в художественной, но и в обиходной речи, в пословицах (И *Русь* не та, и мы уже не те). *Московское государство* — название единого Российского государства конца 15—17 вв., употреблявшееся в письменности и исторической литературе 16—20 вв. *Русское государство*, *Российское царство*, *Российское государство*, *Российская империя*, *Российская Советская социалистическая федерация*, *РСФСР*, *Российская федерация*, *РФ*. В советское время за рубежом весь *Советский Союз* часто называли *Россией*.

В поэтической (и вообще художественной) речи Россию, абстрагируясь от времени, её официального именования и социально-политического устройства, называют именами *Русь*, *Россия*, *Московия*; окказиональным онимом *Инония* (С. Есенин). Напр.: *Если кликнет рать святая: "Кинь ты Русь, живи в раю!", я скажу: "Не надо рая, дайте родину мою"; В синих отражаюсь затонах / Далёких моих озёр. Вижу тебя, Инония, / С золотыми шапками гор. Вижу нивы твои и хаты, / На крыльчке старушку мать...* (Инония)

И при этом интересно отметить, что В. Ходасевич, размышляя о содержании этих именований, различие их выражал дистрибутивно: *Горе его* [С. Есенина — В. Ходасевич] *было в том, что он не сумел назвать её: он воспевал и бревенчатую Русь, и мужицкую Россию, и социалистическую Инонию, и азиатскую Расею, пытался принять даже СССР, — одно лишь верное имя не пришло ему на уста: Россия* (В. Ф. Ходасевич. Есенин; из книги "Некрополь") [Пример из 13: 295].

В контексте наших предшествующих и нынешних разысканий последний пример чрезвычайно важен тем, что, во-первых, он показывает процесс ПОИСКА именования геообъекта, ибо за именем целый сюжет [17: 10, 59; 8: 45]), "мини-миф" [6: 7]. Во-вторых, он показывает, как тесно связаны в "топонимическом сюжете" парадигматика и синтагматика. Каждое из презентуемых здесь именований дано с характеризующим определением: *бревенчатая Русь* (то есть это не просто 'тип постройки', это, по существу, прошлое), *мужицкая Россия* (актуализируется сема 'социальный состав населения'), *социалистическая Инония* (иной социально-экономический строй, уклад'). Здесь же просторечное и диалектное именование *Расея* (вариант *Расея*), и оно тоже дано с характеризующим определением — *азиатская*, отражая не столько лингвистическую культуру говорящего (именователя), сколько содержание в сочетании с коннотацией: "глубинная, отсталая, кондовая, беспутная" [13: 294].

Поэтическое именование *Русь* часто употребляется и в расширенном варианте, который стал устойчивым, фразеологическим, — *Святая Русь*: *Вот, вот она, вот русская граница! Святая Русь, отечество, я твой!* (А. С. Пушкин. Борис Годунов; V, 287).

Представление исчерпывающего перечня образных однословных номинаций и перифраз, используемых для именования России, заняло бы очень много места и потребовало бы много времени для их толкования. Для примера же приведём некоторые пушкинские перифразы, отметив, что они могут включать/не включать в свой состав ИС: государство самодержавное; великая держава; мирная держава; Мономахова держава; полношная (полуношная) держава; северная держава; край полуночи; полночный (полуночный) край; русское море; орёл двуглавый; любезное отечество; наше отчество; любезнейшее наше отчество; отчество свободы просве-

щенной; северные поля; север суровый; северные снега; снега чужбины дальней (для украинцев - "Полтава"); страна державная; полночная страна; полунощный флаг; Полночь, Полуночь, великая Русь, наше царство [5:289—300].

Как видим, перифрастические именованья эксплицируют огромное количество денотативных и коннотативных сем, не выявляемых нейтральной, официальной номинацией. А именно: **пространственная протяжённость и государственный статус** (великая держава, русское море, великая Русь, страна державная; наше царство); **географическое положение** (московская земля, полночная держава, край полуночи, полночная страна, северная держава, северные поля, полунощный флаг); **климатические особенности** (север суровый, северные снега); **историко-хронологический параметр** (младенческая держава, Мономахова держава); **символы российской государственности** (орёл двуглавый); **эмоционально-психологическое восприятие** (любезное отечество; наше отчество; любезнейшее наше отчество; отчество свободы просвещенной) и др.

Из совокупности всех номинаций одного географического объекта формируется особая комплексная единица — **семантико-стилистическая парадигма** топонима, соотносящаяся с одним денотатом (референтом), но представляющая его содержание рассредоточенно, как бы отражая процесс познания, вербальной объективации и оценки этого содержания.

В разных речевых актах в фокусе оказываются разные фрагменты когнитивного содержания топонима, что и выражается либо парадигматически — несколькими (как минимум — двумя) именованьями, либо синтагматически — наличием при нём разных характеризующих определений.

Чем больше номинаций выявлено и вошло в семантико-стилистическую парадигму именованний геообъекта, тем больше эксплицируется семантическое пространство топонима-концепта, отражая его место в языковой картине мира и его связь с другими фрагментами действительности. Данная единица носит комплексный, дискурсивный и открытый характер. Она может быть дополнена вновь выявленными исследователем компонентами, которые всегда когнитивно и/или лингвистически мотивированы [ср.8: 20 о некоторых других онимах].

Исходной единицей в семантико-стилистической парадигме топонима можно считать официальное именование изучаемого географического объекта, существующее в исследуемое время. Все другие компоненты, с лингвистической точки зрения, находятся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции. Но они могут по-разному соотноситься с другими единицами в макропространстве языка и в сознании говорящего / пишущего, презентуя семантические модели вторичных именованний. Например, образное именование Одессы *Южная Пальмира* находится в оппозиции к образному имени Санкт-Петербурга *Северная Пальмира*. А оба они являются производными от номинации *Пальмира* — 'город пальм', процветавший в древности на караванном пути в Сирийской пустыне, раскопки которого находятся ныне вблизи арабского селения Тадмор. Расцвет Пальмиры историки относят к 1—3 вв. н. э. Не все знают место нахождения и историю этого города, но его имя связывается в представлениях с чем-то возвышенно-прекрасным и гармоничным. И именно эта часть информации находится в семантическом фокусе перифраз *Южная* и *Северная Пальмира*.

С другим содержанием и в оппозиции, которая обусловлена грамматической родовой оформленностью онимов и поддержана соответствующими оппозитивными приложениями, находятся номинации *Ростов-напа/Одесса-мама*: 'прекрасные южные города с экспансивным характером населения и "мифосемой" "держи ухо востро: здесь мошенники и воры не дремлют"'.

Образное именование Екатеринбурга, перифраза *окно в Азию*, представляет собою парафразу precedentного текста: ассоциативно (интертекстуально — как аллюзия) соотносится с пушкинским *окно в Европу* — 'Санкт-Петербург': *Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно...* (Медный всадник).

По семе 'положение в определённом регионе' и аксиологическому компоненту многие города получают в перифрастических именованьях название "столицы": Екатеринбург — *столица Урала*, Воронеж — *столица Центральной Чернозёмной зоны России*, Одесса — *южная столица* и *морская столица Украины* и под. Таким образом формируется ещё одна разновидность парадигмы — система семантических моделей построения образных номинаций топообъектов.

В результате обобщения представленного материала можно сказать, что в речевой реализации топонимической концептосферы существуют парадигмы нескольких разновидностей:

а) собственно семантическая, представляющая собою структурированный "пучок значений" одного онима, соотнесённых с разными референтами; б) семантико-стилистическая, представляющая совокупность разных номинаций одного географического объекта, и в) парадигмы-модели, в основе которых типовые способы (принципы) маркирования сближающихся признаков в образной номинации топообъекта.

Семантико-стилистическая парадигма топонима может содержать номинации общезыкового, хронологически ограниченного, этнокультурного характера (напр., самоназвания) и индивидуально-авторские именованья (в том числе окказиональные, единичные), отражая соответствующее видение денотата, его ассоциативное сближение с другими явлениями действительности или противопоставление им, а также отношение говорящего субъекта к топообъекту. Например, общезыковое географическое имя *Финляндия*, хронологически ограниченное — *Великое княжество Финляндское* (в составе России: 1809—1917 гг.), самоназвание *Суоми* (известное и русскому языку) и поэтические перифразы А. С. Пушкина *финский небосклон*, *финские скалы*, *финские берега*, *угрюмый край отчизны дальней* [5: 347—349]; хотя отнюдь не исключено, что здесь имеются и другие номинации.

Количество именованний того или иного географического объекта зависит от его историко-культурной значимости, от объёма наших знаний о нём и нашего отношения к нему — "переживаемости" концепта.

Номинации, входящие в состав семантико-стилистической парадигмы топонима, по-разному коррелируют с языковой нормой, они могут иметь разный функционально-стилистический статус и широкий диапазон коннотативных сем — возвышающих, шуточных, ироничных, обидных, уничижительных. Например: **Екатеринбург**, *Е-бург*, *Ё-бург*, *Йобург*, *Ек*, *Екб*, *Екат*, *Катер* (неофициальные сокращения от полного названия), *Катькиноград*, *Свердловск*, *Сверд[lo|e]ск*, *Сверхжлобск* (фонетическая ассоциация с названием *Свердловск* + семантико-морфологические преобразования), *столица Урала*, *Ельцинбург* (как родина Б. Н. Ельцина — первого Президента Российской Федерации), *Чайфтаун* (как родина рок-группы "Чайф"), *столица русского рок-н-ролла* (из бывшего Свердловска вышли группы "Агата Кристи", "Наутилус Помпилиус", "Чайф", "Настя", "Смысловые Галлюцинации" и др.), *столица Евразии*, *окно в Азию* [15].

В памяти разных носителей языка может быть представлено разное количество именованний данного географического объекта: одни из них могут использоваться чаще, другие — реже, одни известны всем, другие только некоторым или даже носят характер индивидуального и единичного словоупотребления; некоторые со временем будут забыты, но, возможно, появятся новые. Всё это специфика бытования семантико-стилистической парадигмы топонима.

Таким образом, семантико-стилистическая парадигма топонима — это совокупность разно оформленных именованний одного географического объекта; это открытая комплексная единица, которая выполняет функцию накопления, организации и пофрагментной презентации энциклопедической и лингвистической информации, составляющей семантическое пространство топонима-концепта; это дискурсивная единица, поскольку предполагает диалог (в широком его понимании), наличие общей апперцепционной базы адресанта-адресата и её фокусирование в речевом акте.

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М: Шк. "Языки русской культуры", 1999. — 896 с.
2. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От названий к именам. — Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. — 544 с.
3. Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72.
4. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Топонимическая перифраза: введение в проблему // Логос ономастики: Научный журнал. — 2006. — № 1. — С. 72—80.
5. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь. — Одесса: Астропринт, 2008. — 392 с.
6. Исупов К. Г. Имя // Логос ономастики: Научный журнал. — Донецк, 2008. — №2. — С.6—8.
7. Калинин В. М. Ономастическая перифраза как проблема поэтики имён собственных (на материале творчества А. С. Пушкина) // Восточноукраинский лингвистический сборник / Ред. Е. С. Отин. — Донецк, 1998. — Вып. 4. — С. 107—129.
8. Карпенко О. Ю. Проблематика когнітивної ономастики: Монографія. — Одеса: Астропринт, 2006. — 328 с.
9. Карпенко Ю. А. Современное развитие русской ономастической системы // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. трудов. — Киев, 1988. — С.5—14.
10. Карпенко Ю. О. Стилістика топонімів // Записки з романо-германської філології. — Одеса: Фенікс, 2008. — Вип. 20. — С. 53—59.

11. *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста. — 3-е изд. — Одесса: Латстар, 2002. — 288 с.
12. *Михайлов В. Н.* О системных свойствах ономастической лексики современного русского языка // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. трудов/ Отв. ред. Ю. А. Карпенко. — Киев, 1988. — С.15—21.
13. *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имён. — Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2004. — 412 с.
14. *Пикуль В.* Фаворит: Роман-хроника времён Екатерины II: В 2-х т. — Л., 1984.
15. *Прозвища городов* // Википедия: Электронный ресурс. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%89%D0%B0_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2&stable=0&redirect=no — Заголовок с экрана.
16. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. — М.: Изд-во АН СССР, 1962-1966.
17. *Співак С. М.* Власна назва в комунікаційно-смісловій структурі віршованих текстів американської поезії XX століття: Комунікативно-когнітивний підхід: Дис...канд. філол. — наук. — К., 2003. — 197 с.
18. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2001.
19. *Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. — Волгоград: Перемена, 2000. — 172 с.
20. *Фонякова О. И.* Имя собственное в художественном тексте. — Л., 1990. — 104 с.
21. *Формановская Н. И.* Имя-отчество как русский национальный обычай и современные СМИ // Русская словесность. — 2004. — № 4. — С. 71-77.

Л. М. Гукова, Л. Ф. Фоміна

СЕМАНТИКО-СТИЛІСТИЧНА ПАРАДИГМА ТОПОНІМА: ПОСТАНОВКА ПИТАННЯ

У статті розглянуто питання про форми системного зв'язку енциклопедичної та лінгвістичної інформації в топонімах: семантичної, семантико-стилістичної та модельної парадигм топонімів. Предметом аналізу є семантико-стилістична парадигма, її склад та особливості функціонування.

Ключові слова: топонім, парадигма, лінгвістична та екстралінгвістична інформація, мовленнєвий акт.

L. N. Gukova, L. F. Fomina

SEMANTIC AND STYLISTIC TOPONYM'S PARADIGM: A QUESTION RAISE

The article deals with the question of system-defined forms of encyclopaedic and linguistic information in toponymy: semantic, semantic and stylistic and model toponyms' paradigm. The point of analysis is a semantic and stylistic paradigm, its structure and peculiarities of functioning.

Key words: toponym, paradigm, linguistic and extra linguistic information, speech act.